

Глава 1

— Петро Василич! Господин сотник! Просыпайтесь! Фурьер прискакал — срочно во дворец зовут!

Голос Мусы звучал сдавленно, почти испуганно. Я продрал глаза, вскочил на ноги, на ходу натягивая черкеску. Темнота за окном уже начинала сереть — совсем скоро начнется восход. Очередной жаркий, душный день. А других тут, в Хиве, летом и не бывает.

— Что случилось? — персиянка Зара, смешно выговаривая русские слова, села в постели, испуганно подтянула одеяла, закрывая грудь.

— Спи! — коротко ответил я.

Пригладил рукой волосы, повесил шашку на бок, тальвар на пояс. Заряженные пистолеты лежали рядом на кошме. Только затравочный порох обновить... Вышел из спальни, прикрыл циновку, заменяющую дверь. Кивнул Мусе:

— Ну, что там?

— Беда, Петро Васильевич! Атаман Орлов преставился ночью!

Меня как пыльным мешком ударили по голове. Я даже замер, пытаясь осознать случившееся. Войсковой атаман Василий Орлов был главным мотором всей нашей экспедиции — его уважали все казаки, слушались, как отца родного. Доконала Азия батьку!

— Как умер?! Точно?! — я отмер и схватил Мусу за грудки точно такой же черкески, как у меня.

Денщик, хлопая единственным глазом, затаморил:

— Сказывают, удар с ним случился. Вечером жаловался на головные боли, на слабость. Как нашли — уже и остыл.

Я матерно выругался. От инсульта нет лекарств и в будущем. Или это инфаркт? Нет, если головные боли, то скорее всего геморрагический инсульт... И что теперь делать?!

— Седлай коня, Тахтаров. Быстро. Десять казаков в сопровождение.

Через несколько минут мы уже скакали по ночным улицам нашего махалли в направлении Куни-Арк, внутренней крепости столичной цитадели, превращенной в главную армейскую квартиру. Хива выглядела призрачно и близко в свете редких факелов — глиняные глухие стены, узкие проулки, запах гари и пыли, редкие патрули, которые нас сразу узнавали по приметным белым повязкам на рукавах и пропускали. Спустя четверть часа мы уже были во дворце.

Началось мельтешение лиц. Генералы, полковники, адъютанты, офицеры-ординарцы. Все собрались, перемешались в зале для официальных приемов, на открытой площади куринишханы, освещенной расставленными по периметру фонарями в тяжелых медных узорчатых колпаках. У многих глаза блестели от слез и у всех — от пота, покрывавшего лица. Душно, несмотря на ночное время, — каменные плиты двора, раскалившиеся за прошедший день, работали как печка, продолжая отдавать тепло.

— Черехов! Наконец-то! — окликнул меня Астахов, мой бывший полковник. — Матвей Иванович тебя спрашивал. Беги в комнату походного атамана... — Емельян Никитич замялся и с трудом выговорил, перекрестившись: — Покойного. Прими, Господь, его душу.

Поспешил в помещение ханского гарема, придерживая на боку тяжелую шашку. Женщин убитого горожанами Аваз-инака оттуда выселили, личные покои бывшего повелителя заняли Орлов и Платов, придав им подобие привычного европейцу вида в виде с превеликим трудом разысканных в Хиве столов и стульев, а специально для походного атамана — еще и секретера, за которым можно было стоя работать с бумагами. Его умудрились приволоочь с самого Дона.

Воздух в комнате был тяжелым и спертым. В тяжелых подсвечниках, слегка потрескивая, горели толстые свечи. У маленькой иконки тлела лампадка.

Орлов лежал на кошмах в углу, накрытый буркой. Я подошел, приподнял ее. Лицо его было спокойным, мертвенно-бледным, глаза кто-то уже закрыл.

Генералы — только они находились в комнате — сидели вокруг пустого длинного стола. Платов выглядел изможденным, но в его глазах горел жесткий огонек. Он был главным — это чувствовалось сразу.

Я подошел к столу.

— Господа генералы... — начал я, но Платов меня остановил:

— Потом, Петро. Видишь, какая беда стряслась. Отошел ко Господу наш атаман. Царствие ему Небесное!

Все перекрестились.

— Что ж... так угодно Всевышнему, — сказал Денисов, его пышная борода тяжело опустилась на грудь. — Кто ж теперь...

— Теперь я, — жестко перебил Платов. Его голос не допускал возражений. — Я принимаю командование всем Войском. Будут вопросы?.. Возражения?..

Никто не ответил. Вопросов и возражений не последовало. В такой момент, в походе, в чужой враждебной стороне, не до споров о субординации. Нужен лидер. Платов им был. Еще при жизни походного атамана. И никому не приходило в голову это оспорить.

Вошедший в ту же секунду в комнату войсковой протоиерей отец Варсонофий, глава полко-

вых священников, по чину равный полковнику, осенил его крестом, переложив на время кадило с ладаном в другую руку. Словно скрепил Божьим позволением выбор генералов. А на меня почему-то сверкнул сердито глазами, но ничего не сказал.

Матвей Иванович тяжело поднялся, поцеловал крест, молча развернулся, подошел к походному секретеру Орлова, стоявшему в углу. Внизу находился небольшой, окованный металлом ларец. Атаман подхватил его подмышку.

— Пойдемте, братья, в мой курень, не будем батюшке мешать отпеть нашего товарища.

Генералы дружно встали и последовали за Платовым. Мы прошли в соседние покои, миновав несколько пустых комнат, где обычно сидели ординарцы. Матвей Иванович поставил ларец на стол, накрытый дорогой парчовой тканью и заставленный чашами и бутылками. Открыл его ключом, который, видимо, забрал у орловского адъютанта или с шеи самого походного атамана. Начал перебирать бумаги при свете от горевших свечей в тяжелых персидских шандалах. Все молчали.

— Петр! — окликнул меня не терпящим пререканий тоном. — Встань в двери и никого сюда не пропускай, даже ангела с хоругвью.

Я молча кивнул, твердым шагом вышел из комнаты, встал в дверном проеме, обнажил шашку, приставил к плечу и... превратил уши в локаторы.

— Вам всем кое-что нужно знать, — послышался за спиной твердый голос Платова. — Это приказ покойному атаману от императора.

Мое сердце екнуло.

— Как на Индию?!

Возглас генерал-майора Андриана Карповича Денисова еще больше наэлектризовал атмосферу полутемной комнаты. Она сгущалась постепенно, подходила к точке кипения с каждым словом нового походного атамана: сперва — когда он зачитывал приказы, потом — когда их комментировал. Даже не видя лиц собравшихся, я понимал, что услышанное для них было шоком. У самого волосы на затылке шевелились при мысли о том, как много станичников, если не все, не увидят родного куреня, женок, детей, Дона. А если к этому добавить, что во всем виноват один я... Нет, об этом я никогда никому ничего не скажу!

— Слухи, конечно, ходили, — задумчиво произнес Боков. — Но одно дело — слухи, и другое...

— Я вам скажу, — произнес Платов свою любимую фразу. — Сам не верил, что такое возможно. Но теперь, когда мы Хиву взяли... Когда до Бухары можно недели за две дотянуться...

— Матвей! Ты в своем уме?! — взвился Андриан Карпович. — Какая Индия? Сколько до нее добираться?

— Генерал Денисов! — построжел Платов. — Приказ есть приказ! — он вздохнул и добавил уже спокойно: — Волков, наш «звездочет», доложил, что полгода идет караван до Калькутты. Только нам еще дальше. Задача — выкинуть англичан с реки Индус.

Я с трудом сдержался, чтобы не брякнуть: река Индус — если, конечно, речь идет об Инде — это далеко не конечная точка маршрута. Если уж ставить задачу лишить британскую корону индийских владений, то нужно замахиваться на поход до самой южной точки индийского полуострова, даже дальше. До Цейлона. Вопрос лишь в том, по силам ли уже понесшему серьезные потери Войску совершить столь невероятное? Как прорваться через Афганистан? Что делать с тылом?

— Никто не верил, — раздался хриплый голос все еще страдавшего от ран генерал-майора Бузина, крепчавший с каждым новым словом, — что можно на пороге зимы перейти Альпы целым корпусом. Но мы сделали это. Никто не верил, что можно добраться до Хивы через безводные степи и пустыню, но мы сделали это. Хивинцы мне сказали, что Аваз-инак был уверен: только дурак сунется туда, откуда никто не возвращается, и не готовился серьезно к войне. Но мы — СМОГЛИ! — почти выкрикнул генерал и тихо заключил: — Надо в Индии англичанку за сиську прихватить — прихватим. Со всем нашим превеликим удовольствием.

Атаманы рассмеялись, атмосфера немного разрядилась. Забулькали бутылки.

— Говорят, англичанки эти плоские как доски, — хохотнул Платов.

Скрипнули отодвигаемые стулья.

— Помянем, братья, нашего атамана! Над телом его поклянемся, что выполним ему порученное, не посраим его памяти.

Никто не посмел возразить. Судя по долетевшему до моих ноздрей сивушному духу, выпили беспрекословно.

Я восхитился: ох и хитер новый походный атаман! Как он ловко на клятву соратников развел! Посмеет ли теперь кто-то из генералов заднюю включить?

Платов продолжил ковать железо, пока горячо.

— Что с Хивой будем делать, господа генералы? Какие будут предложения?

— Нельзя этот рассадник зла оставлять на волю случая, — тут же отозвался Денисов. — Видится мне это дело так...

Не знаю, показалось мне или нет, но он явно нацелился занять место Платова при Орлове, то есть стать его правой рукой, возможным кандидатом на роль походного атамана в случае гибели Матвея Ивановича. Ох уж эти политические игры! Тело Орлова еще не остыло, а кое-кто решил свои позиции укрепить. Так и до оппозиции генеральской недалеко — уж больно шаткое положение сложилось. Что будет, если дойдет до Войска восточка о смене императора на троне?

— В городах сидеть хивинских — повторим судьбу отряда Бековича. Нарвемся на засаду, всех вырежут. Свои стены потребны и силы, собранные в кулак. В Кунграде форт уже слаженный укрепить, но этого мало. У Арала народ смиренный, с нами дружить хочет. Здесь, в самой Хиве, другое дело. Муллы могут умы смутить, на бунт подбить. Нужно у Аму-Дарьи ставить нашу крепость и оставлять в ней сильный гарнизон, — развил свою мысль Денисов. — Иначе все в скором времени вернется на круги своя. Снова туркмены вылезут, рынок невольничий восстаноят. Опять же — контроль судоходства, потока караванов, даже местной торговли...

— И пошлины, — поддакнул хозяйственный Боков. — Денежку в казну собирать там сподручно выйдет. А буде хивинцы рыпнутся, канал им перекроем. Крепость у канала — им как кость в горло встанет. Вот только пушки... Чем крепость защищать?

— Придется одну артиллерийскую роту из двух здесь оставлять, — тут же резюмировал Платов. — И в Бухаре нам пушки пригодятся, и здесь. Ничо, Бог даст, из России крепкий сикурс пришлют — с правильной крепостной артиллерией.

— Когда это будет? — вздохнул Бузин.

— Когда будет, то не нашего ума дело, — отрубил Матвей Иванович.

— А местные орудия? Те, что в цитадели захватили? — хмуро буркнул Боков, главный заинтересант в крепостном вопросе — его прочили

в хивинские генерал-губернаторы, такие разговоры среди казаков ходили.

— Мы нашли в замке двенадцать медных и чугунных пушек отряда Бековича, они почти век тут без дела провалялись. Карпов ими занимается, но кто знает, получится ли их в порядок привести. И лафетов у них нет, а новые сладить-то не быстро, — сообщил Денисов¹.

— Балалаечка без струн, балалаечка дристон: вот что за пушки были у хана, все никудышные! — откликнулся в своей грубой манере наш походный атаман.

Генералы рассмеялись — такой Платов им нравился больше. Но он в роль походного атамана вошел уже плотно и начал четко ставить задачи.

— Генерал-майор Боков! Тебе поручаю! Место под новую крепость выбери лично. Персам из таборов, бывшим невольникам-догма — стены копать, ров и волчьи ямы — хай свободу свою отрабатывают. Пороховой погреб ладить крепкий, с каменным перекрытием. Фасы с фланкирующим огнем возводить по науке. Бастионы с банкетами. Верки укрепить кирпичом. Магазины с продовольствием для гарнизона не мень-

¹ Пушки отряда Бековича пролежали без дела больше ста лет, пока не нашелся русский авантюрист Сергей-ага, который не только привел их в порядок, изготовив новые лафеты, но и сумел отразить с их помощью атаку бухарской кавалерии в одном из бухарско-хивинских конфликтов в 1830-х.

ше чем на полгода. Казармы-землянки. Баня. Госпиталь. Огороды, чтоб зеленушка под рукой была на случай цинги. В Кунграде из инвалидов и выздоравливающих составить гарнизон. Новый форт защитить полком-двумя из твоего корпуса. Назвать новую крепость российскую Орловской!

— Слушаюсь, господин походный атаман!

У меня мороз прошел по коже. Вот, вот оно, мое воздействие на историю! Значит, я все же Игрок? Не было такого, чтобы Россия плотно встала на берегу Аму-Дарьи и на три четверти века раньше перекрыла кислород невольничьему среднеазиатскому мерзкому бизнесу! Сколько жизней русских сохраним! Скольких сломанных судеб избежим! Сотни тысяч!

А какая заварушка сейчас начнется в Азии, в европейских кабинетах с важными господами в париках! Это же перекройка политической карты мира!

Лишь бы удержать Хиву, лишь бы все получилось!

Шансы есть, и неплохие. Главным людоловам, туркменам, хорошо по хребтине врезали. Три полка — Астаховский, Атаманский и Миرونский — железной метлой прошлись по зимовкам йомутов. Да так, что те бросились на откочевку в пустыню, в сторону Персии. Вот только отпустили их с голым задом — почти весь скот и скарб потеряли, хотя за свое дрались отчаянно, отважно и до последнего. Но не сдюжили...

— Что с Бухарой, Матвей Иванович? — вернул меня к действительности голос Андриана Карповича. — Когда в поход, как с эмиром поступим?

В Бухаре давно не было хана. Власть в ней у чингизидов перехватил узбекский род Мангитов. Потому и называли свое царство эмиратом.

— С Бухарой все сложнее, — начал Платов непростой рассказ. — Царь-батюшка повелел и Хиву, и бухарцев наказать. Да только политическая экспедиция, к походу прикрепленная, внесла поправочку. Если с ханом у нас отношения не ладилась, если должок за ним, за псом шелудивым, имелся за Бековича, то Бухара к нам постоянно отправляла свои посольства, да и торговля наша с Азией через бухарцев идет. Сложно с Бухарой. И в жузах киргизских ее влияние велико. Мutil турецкий султан, когда мы его воевали, воду в Бухаре, на нас науськивал, а чрез нее — и киргизов. А эмир у нас помощи просил против персов, послов присылал. Нырнул, а зад видать: хотел, чтоб мы за него угольки из костра потягали...

— И что же будем делать? Ручкой им помашем из-за реки? Аль ждать, пока бухарцы сами прибегут пардону просить? — задал вопрос Денисов.

— Может, и прибегут. А может, и нет. Что-то слабо мне верится, чтобы они по доброй воле наших пленников освободили. Просили их, и не раз, а все без толку.

— Так, может, в рожу им дать? — по-простецки высказался Бузин, не отвыкший от вешенских станичных манер.

— Время нам выпало больно подходящее! Папаша нынешнего эмира всего ничего как копыта отбросил, свара у бухарцев из-за власти, нету промеж них согласия. Готовиться к драке нужно. Но! — поднял палец атаман. — По пескам бегать — для нас в новинку. Вот ты, Дрюня, и займись — каюки, чтобы тяжести по Аму-Дарье поднять, разведка колодцев, верблюды с лаучами опытными, бунты с провиантом по пути следования... Сам сообразишь, не дитятя.

— Понял! — кивнул головой Денисов. — Время, я так понимаю, у нас есть до осени? По жаре не попрем?

— Бой в степи вести, не на Москве портками трясти. И поспешать не след, и сиднем сидеть, — уклонился Платов от прямого ответа.

— А мне что делать? — спросил у него Бузин.

— А ты, казаче, раны свои лечи!

Генерал-майор промолчал, а Денисов не удержался от попытки вернуться к старой теме. Видно, зацепила она его крепко.

— Бухара Бухарой, но что с Индией?

— Будет день, будет пища. Придет время, и об Индии подробно поговорим, — грамотно свернул Платов сложный разговор. — Ну что? Всё обсудили? Тогда еще раз помянем нашего атамана. Петро, хорош уши греть, топай до стола, налей-ка генералам, — гаркнул Платов.

Я развернулся, изобразил всем своим видом полнейшую невинность и образец добродетели, убрал шашку в ножны и прошел к столу. Подхватив бутылку и выдернув зубами пробку, плеснул в чаши, стараясь не морщиться — водка воняла мочой, ее покупали у заезжих бухарских евреев.

— Дай Бог генералу от кавалерии, Василию Петровичу Орлову, легко в земле лежать, да в очи Христа видать! — строго произнес Денисов.

Все выпили.

Платов пригорюнился.

Навалился грудью на стол и тихо запел:

Ай-и, в зголовье вы поставьте всё
животворящий крест,
Ай-и, во резвы-то ноги да всё мне
поставьте коня доброго,
Ай-и, во праву-ту руку мне поставьте
саблю вострую,
Ай-и, во леву-то руку мне поставьте-тко
мине копье долгое;
Ай, кто да пойдет, кто всё мимо поедет,
всё кресту помолится,
На добра-та коня всяк посмотрят,
всяк обзарятся,
Ай на востру саблю посмотрят,
все они устрашатся...

— Ну что, Петро, все слышал? Смотри мне, не болтай! — погрозил мне пальцем Платов, когда мы остались в комнате одни.

Я позволил себе легкую усмешку:

— Давно помалкиваю, Матвей Иванович.

Атаман склонил голову и прищурился, будто целился в меня из мушкета.

— Откель ты такой умный взялся? Как догадался?

— Еще в марте, когда впервые караван увидел, из Оренбурга прибывший, а в нем — индуса-толмача. Зачем индус в походе на бухарскую сторону? Потом вы мне сами карту показали государеву. А в ней линия красная, в Индию ведущая...

— Было дело, припоминаю. И все?

— Недавно Волкова встретил у оружейного мастера. Он выспрашивал дорогу до Калькутта. Ну и сложил один к одному.

Платов развеселился.

— Объехал старика на вороных!

— Ну как же вы старик, Матвей Иванович!

— Кончай мне поддакивать! — продолжал веселиться атаман. И разом прекратил, посерьезнел, видимо, вспомнив, что в доме покойник. — Присядь-ка!

Он, дождавшись, когда я примощусь рядом, встал из-за стола, подошел к своей постели и из-под шинели в ногах вытащил саквояж. Извлек из него несколько листов скрученной в трубочку бумаги, вернулся на свое место, расстелил их, придавив углы чашами и буркнув:

— До чего ж дурна тут водка!

Я узнал почерк, видел его не раз — это были записки Волкова.